Оксана ПАШКО
Андрей ПОРТНОВ

НАД КАРТОЙ АТЛАНТИДЫ

В изданном в 1924 г. “опыте историко-литературной оценки” Лермонтова Борис Эйхенбаум сопроводил анализ байроновского “влияния” на русского поэта такими словами:

> Входя в чужую литературу, иностранный автор преобразуется и дает ей не то, что у него вообще есть и чем он типичен в своей литературе, а то, чего от него требуют. Один и тот же иностранный автор может служить материалом для совершенно разных литературных направлений – в зависимости от того, что от него требуют. Никакого “влияния” в настоящем смысле слова и не бывает, потому что иностранный автор прививается на чужой почве не по собственному желанию, а по вызову.[1]

Именно эту цитату уже в следующем, 1925 году, привел украинский литературовед Александр/Олександр Дорошкевич в полемике со своим бывшим однокурсником и неформальным лидером группы “неоклассиков” Николаем/Мыколою Зеровым по вопросу “культурной ориентации на Европу”. Ссылаясь на Эйхенбаума (“который многим кажется безусловным авторитетом”), Дорошкевич настаивал, что “из Европы мы можем брать далеко не все (да и у кого хватило бы сил на все?), а только то, что отвечает нашим современным ‘требованиям’”.[2]

---

[1] Борис Эйхенбаум. О литературе. Работы разных лет. Москва, 1987. С. 161-162.
[2] Олександер Дорошкевич. Моя апологія альбо оборона // Життя й революція. 1925. № 11. С. 73.

Приведенная цитата, как и ее творческое использование в украинской литературной полемике 1920-х годов, представляется нам продуктивным прологом к некоторым размышлениям по поводу “Атлантиды советского нацмодернизма” Галины Бабак и Александра Дмитриева. Скажем сразу, что данная книга – безусловное событие в изучении украинского (и советского) литературоведения и широко понимаемой славистики. И это событие, на наш взгляд, может послужить стимулом к содержательному обсуждению целого ряда серьезных исследовательских проблем. Исходя из этого, мы постараемся отнестись к работе коллег “по гамбургскому счету”, обозначить возможные дискуссионные ракурсы и перспективы углубления анализа литературных процессов 1920-х годов.

Главную задачу своего исследования авторы определили так: “Показать векторы развития формального метода в украинской советской культуре” (С. 5). Правда, уже через несколько страниц добавили: а также “реконструировать историю развития украинской критики и литературоведения в широком идеологическом и политическом контексте формирования раннесоветской ‘надстройки’ в разных национальных республиках” (С. 17-18). Даже не вдаваясь во все разнообразие контекстов “разных национальных республик”, сама по себе история украинской критики и литературоведения 1920-х чрезвычайно многопланова и сложна. Сложна не только по причине объема и труднодоступности материалов, но и из-за банального отсутствия биографий, справочных материалов и библиографий большинства ключевых интеллектуальных фигур. Иными словами, любому синтезу должен предшествовать кропотливый архивный и библиотечный поиск (и в этом плане рассматриваемая книга предлагает ряд открытий). В то же время сам объем информации ставит непростой вопрос о принципах отбора наиболее важного материала и его соответствующей контекстуализации. Задача вдвойне ответственная, учитывая, что в первое двадцатилетие XX века историко-литературная наука играла в Украине едва ли не центральную роль. На ее поле выступали как крупнейшие историки и языковеды (Михаил/Михайло Грушевский, Агатангел Крымский и их молодые коллеги Андрей/Андрий Ковалевский и Виктор Петров), так и собственно писатели и поэты (Николай/Мыкола Зеров, Павел/Павло Филипович, Освальд Бурггардт).

Ключевой концепцией обсуждаемой книги является “культурный трансфер” Мишеля Эспаня с акцентированием активной и сознательной роли импортера-реципиента. Такое понимание “трансфера” близко те-

зису Эйхенбаума (и его коллеги Виктора Жирмунского), приведенному в начале наших заметок. Иными словами, если инструменты и методы "культуры метрополии" (С. 22) и воспринимались на местном (в данном случае, украинском) уровне, то они отвечали определенным внутренним потребностям реципиента и соответственно модифицировались. Говоря о трансфере, авторы уже во введении соглашаются с Григорием Грабовичем в том, что "для украинского дискурса формализма русский фактор является основным и решающим" (С. 32). Обратим внимание даже не на главный посыл этой цитаты, а на употребленное в ней слово "русский". Статья Грабовича вышла на украинском языке, в котором – как и в английском или польском – до сих пор нет возможности четко разграничить понятия "русский" и "российский". Какое из двух этих слов имел в виду Грабович? Вопрос тем более важный, что в другом месте, цитируя уже текст Клима Полищука из 1920-х о поэтическом вечере в Киеве, авторы переводят его так: "От россиян выступали Натан Венгров, Геннадий Коренев, Маккавейский, Зозуля, Лившиц, Эренбург и многие другие" (С. 120). Почему здесь уже речь идет о "россиянах"? Насколько существенна эта дифференциация? На примере влиятельных англоязычных публикаций о советской национальной политике 1920-х мы знаем, что очень даже существенна.[3] Однако в тексте "Атлантиды" этот вопрос специально не проговаривается и формализм в Советской России обозначается как "русский".

Стараясь избегать той самой "метропольной" оптики, "Атлантида" предлагает сохранять, насколько возможно, украинское звучание имен персонажей. Эта благая цель местами упрощает проблему существовавшего "культурного выбора", а главное, преследуется в книге выборочно и непоследовательно. Харьковский этнограф Сумцов называется то "Микола" (С. 41), то "Николай" (С. 52). Львовский литературовед Рудницкий упоминается как "Михайло" (С. 92 и 450) и как "Михаил" (С. 453 и 518). При перечислении учеников Владимира Перетца один "неоклассик" получил украинское имя, другой – русское: "Михайло Драй-Хмара и Павел Филипович" (С. 81). Некоторым героям исследования в украинизации отказано. Это касается "Сергея" Ефремова и "Александра" Дорошкевича и даже идеолога радикального украин-

[3] Ilya Gerasimov. Affirmative Writing: Empire (On New Standards in Russian Imperial Studies) // Ab Imperio. 2005. No. 3. Pp. 529-538. В этом отношении характерно, что в "Атлантиде советского нацмодернизма" не рассматривается важная книга: Francine Hirsch. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005.

ского национализма “Дмитрия” Донцова (С. 250, 371). Пусть приведенные примеры – всего лишь следствие редакторской оплошности, но она подчеркивает неоднозначность главной проблемы книги и ее ключевого понятия: “нацмодернизм” (именно в таком сокращенном написании – видимо, в духе аббревиатур 1920-х, – никогда не “национальный модернизм”). Авторы так определяют этот термин:

> Под нацмодернизмом как знаком культурной специфики бывших имперских регионов – советских республик 1920-х – мы будем понимать единство, зафиксированное и отрефлексированное современниками сочетание художественного модернизма и модерных социально-политических перемен во имя “догоняющего развития” той или иной “новой”, “социалистической нации” (С. 12-13).

О дефинициях лучше договориться, а не спорить. Очевидно, что для описываемого периода и темы “нацмодернизм” является привнесенным понятием. Наряду с ним в книге употребляются и другие концепции, оставшиеся без подробного определения, несмотря на их изрядную идеологическую нагрузку, например “украинское национальное возрождение” (С. 19) и “общерусский контекст” (С. 40). Перечисленная выше некоторая терминологическая непоследовательность только подчеркивает деликатность темы книги и сложность предмета исследования.

Книгу открывает глава о наследии Александра Потебни – ученого, “скрепляющего единство филологии, лингвистики и литературоведения” (С. 44). Авторы называют его человеком с “двойной лояльностью” (С. 51), однако важно не забывать, что Потебня умер в 1891 г. и никогда не стоял перед выбором “идентичности” столь же острым, как люди, подобные Владимиру Вернадскому в ситуации революций 1917 года и распада Российской империи. Вторая глава посвящена “филологическим штудиям” (авторы предпочитают этот термин “исследованиям” или “работам”) Владимира Перетца и его семинарию русской филологии (1907–1914) в киевском Университете Св. Владимира, через который прошли очень многие ключевые персонажи книги. По мнению авторов, Перетц не только методологически повлиял на своих учеников, но и легитимизировал “независимый статус украинского языка и древность украинской литературы” (С. 84). Третий герой книги, задающий общий исторический контекст, – Иван Франко, который, по мнению авторов, в своих теоретических работах о поэзии “достаточно близко подходит к анализу художественного произведения с позиций формальной теории” (С. 104).

Понятно, что “долгий XIX век” во всей его многогранности не может занимать центральное место в исследовании 1920-х годов, но тем важнее оказывается принцип отбора значимых фактов и явлений этой эпохи в книге. Если главным критерием должна служить прямая связь избранных сюжетов с формализмом, то применение его на практике кажется непоследовательным и неполно представляющим украинский вопрос. К примеру, упоминается о сотрудничестве Ефремова, вместе с Перетцем, в сборнике “Отечество” (Петроград, 1916), однако не говорится об украинском издательстве “Вік”, многие годы, в том числе и благодаря Ефремову, публиковавшем произведения украинской классики и переводную литературу. Конечно, в книге сказано о “всеобъемлющем народническом ефремовском подходе” (С. 86), однако его “История украинской литературы” (“Історія українського письменства”) концептуально не анализируется. Валуевский циркуляр (1863) и Эмский указ (1876) упомянуты только в связи с запретом ввоза книг из Галичины (С. 106), хотя эти репрессивные акты были направлены на ограничение сферы употребления украинского языка и серьезно усложняли литературный процесс, а точнее – препятствовали ему. Фактическая ликвидация издательской деятельности украинских писателей в Российской империи не позволяла создать “поле литературы” (термин Пьера Бурдье). Мог ли в отсутствие книгоиздания появиться в украинской литературе профессиональный писатель или заинтересованный читатель – полагаем, вопрос риторический. Не потому ли украинские литературоведы в 1920-х годах так активно занялись изучением читателя, и не только в ответ на программную работу Александра Белецкого 1922 г.,[4] но и в рамках целого Украинского научного института книговедения, которым руководил Юрий Меженко?[5]

Вслед за главами, реконструирующими предысторию, следует вторая часть книги под названием “Русский формализм и становление литературной теории в советской Украине в 1920-е годы”. Открывает ее глава “Многонациональная культура революционной Украины”, которая, вопреки названию, ограничивается описанием отдельных эпизодов русско-украинских контактов и ничего не говорит, например, о богатой идишистской литературе (Перец Маркиш, Хана Левин, Шмуэль Халкин

[4] Александр Белецкий. Об одной из очередных задач историко-литературной науки // А. И. Белецкий. Избранные труды по теории литературы / Под общей ред. Н. К. Гудзия. Москва, 1964. С. 25-50.

[5] Подробнее см.: Галина Ковальчук. Український науковий інститут книгознавства (1922–1936). Київ, 2015.

и многие другие) или польских культурных проектах. К сожалению, авторы практически не делают различия между самыми разными политическими режимами в Украине 1917–1921 годов. Принципиальные различия между ними делают более уместным употребление слова “революции” во множественном числе и требуют четкой датировки каждого художественного высказывания. Политический контекст, а значит, и смысл конкретного текста радикально менялся в зависимости от того, писался ли он при гетмане Скоропадском, Украинской Народной Республике, Деникине или Махно.

Опыт революций и войн не мог не отразиться и на литературном процессе,[6] и на самой природе советской национальной и культурной политики. В этой связи вызывает вопросы следующее утверждение авторов:

> Украинизация бывших имперских университетов (порой с элементами раскола в 1918–1919 годах) обернулась сразу после 1920 года их специализацией и понижением статуса: превращением в Институты народного образования с целью ускоренной подготовки педагогических кадров – вместо прежнего ориентира на фундаментальную науку (С. 116).

Возможно, это просто неудачная формулировка, но неужели именно “украинизация” повинна в “понижении статуса” университета, а не образовательная политика большевиков? Или авторы полагают, что решение советской власти преобразовать университеты в ИНО разрушало “фундаментальную науку” с целью “украинизации” высшего образования как части политики коренизации 1920-х годов?

Следующие главы раздела предлагают внимательное прочтение литературоведческих текстов Александра Белецкого, попытку реконструкции “харьковского кружка формалистов”, анализ таких публикаций, как “Наука стихосложения” Бориса Якубского (1922), “Язык и поэзия” Бориса Навроцкого (1925), “Как строится рассказ” Майка Йогансена (1928) и – в качестве “примера формалистической прозы” – “Путешествие ученого доктора Леонарда и его будущей возлюбленной Альцесты в Слобожанскую Швейцарию” Йогансена (1928–29). Особое внимание авторы уделяют обсуждению текстов Бориса Эйхенбаума в Украине, полемике Михайла Драй-Хмары с

[6] См., например: Л. О. Кісельова, О. В. Пашко. Інтертекстуальне тло вірша Павла Тичини “І Бєлий, і Блок, і Єсенін, і Клюєв…” // Маґістеріум. Літературознавчі студії. 2010. Вип. 38. С. 13-22.

немецкоязычной статьей Романа Якобсона, украинским откликам на тексты Виктора Шкловского.

Гипотеза о существовании особого "харьковского кружка формалистов" очень любопытна, однако требует большей доказательной базы. Реконструкция кружка, по сути, основана на нескольких фактах: письме Александра Белецкого Павлу Сакулину (1921) о "группе молодежи, аспирантов и научных сотрудниках кафедры истории европейской культуры" (С. 147), письме Иеремии Айзенштока Осипу Брику (1923) о существовании "харьковского кружка 'формалистов'" (С. 150), поздней автобиографии Белецкого (1944–1945), а также на поздних воспоминаниях Айзенштока. Из этих документов видно, что молодые харьковские ученые были знакомы с теориями формалистов, однако говорит ли сам факт рецепции о том, что они сами стали формалистами? Скорее, отчеты о работе научно-исследовательских кафедр при Харьковском Институте народного образования (ХИНО) свидетельствуют о том, что аспиранты знакомились с самими разными методологическими концепциями, в том числе с работами Владимира Перетца, Александра Веселовского, Александра Потебни, Рихарда Мюллера-Фрейенфельса, отдельно изучался марксизм.[7] Личное дело аспиранта кафедры истории Украины Агапия Шамрая содержит и точное название кружка – это был "Методологический кружок", а не "кружок формалистов".[8]

Подобная аберрация связана с малоизученностью украинского литературоведения 1920-х годов, когда многочисленные белые пятна мешают оценить подлинный масштаб обнаруженного явления. В качестве

---

[7] Подробнее об этом можно почитать в отчетах кафедр, написанных Алексеем Ветуховым и Агапием Шамраем: О. В[єтухов]. Науково-дослідча катедра історії України // Червоний шлях. 1923. № 8. С. 270-273; А. Ш[амрай]. Секція літературно-етнографічна катедри історії України // Червоний шлях. 1924. № 1-2. С. 219-220; А. Ш[амрай]. Літературна секція катедри історії української культури за 1924–25 рік // Культура і побут. 1925. 23 квітня. № 16. С. 1.

[8] В личном деле аспиранта А. Шамрая есть такая графа: "В каких научных и специальных кружках и обществах работали, когда и какие обязанности исполняли", в которой читаем: "…в 'Методологическом кружке', основан[ном] аспирантами кафед[ры] истории европейской культуры…". См.: А. Ф. Шамрай. [Личная карточка аспиранта, 1923 (?)] // Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦДАВОВ Украины). Ф. 166. Оп. 12. Д. 8528. Л. 1 об. По воспоминаниям Белецкого, Шамрай принадлежал "к группе молодежи", в центре занятий которой "стояли вопросы поэтики, разрабатываемые на материалах западной, русской и украинской литератур". А. Белецкий. Автобиография // Белецкий. Избранные труды по теории литературы. С. 19.

примера проанализируем любопытную статью из журнала “Плужанин” (март 1926 г.) – точнее, небольшую заметку “Как поставить работу литстудии”. Ее дополняют несколько приложений: “Темы вопросов по поэтике” (приблизительная программа работы студии в сфере поэтики)” и “Библиография” (самые необходимые книги)” для литстудий “Плуга”. Особый интерес представляет библиография, в которой из двадцати трех позиций треть – это работы либо российских литературоведов, близких к формализму, либо тексты формалистов: В. Шкловский “О теории прозы”; Б. Томашевский “Теория литературы”; В. Жирмунский “Композиция лирических стихотворений”, “Введение в метрику”, “Рифма, ее история и теория”. Также рекомендуются широкой публике: Андрей Белый “Символизм”; В. Брюсов “Основы стиховедения”; Г. Шенгели “Как писать статьи, стихи и рассказы”.[9] Напомним, это те самые “плужане”, которых Мыкола Хвылевой обвинял в безграмотности и массовизме. Кажется логичным предположить, что в одном из кружков украинских “плужан” появились настоящие украинские формалисты. Однако не следует спешить с выводом, “копнув” чуть глубже и обратив внимание на автора этой статьи и библиографии. Им оказался Андрей Панив, аспирант кафедры литературоведения ХИНО, в планах которой была задекларирована необходимость активизировать работу с массовыми литературными организациями, в том числе и “Плугом”. Скорее всего, Панив и выполнял это задание, опубликовав в “Плужанине” список, предназначенный либо студентам, либо аспирантам ХИНО. Нам представляется, что последовательная историческая контекстуализация и прослеживание цепочек конкретных обстоятельств может многое дать для понимания литературной ситуации в Украине 1920-х годов и значимости формального метода для украинского литературоведения.

Следующая, третья, часть книги, “Полемика о формальном методе в советской Украине 1920-х годов” – одна из самых удачных. Авторы занимаются скрупулезным прочтением и анализом статей украинских критиков и литературоведов, которые можно разделить на два периода: 1922–1923 гг. и 1926–1927 гг., и каждому из них посвящена отдельная глава.

---

[9] Андрій Панів. Як поставити роботу літстудії // Плужанин. 1926. № 3. С. 5-7. Процитируем еще один “формалистический” тезис молодого ученого о том, как стать писателем: “…писателям, уже проявившим себя так или иначе в печатных произведениях, необходимо осознать свои формальные достижения, чего они достигли, читая других и наследуя их, и начинающим писателям, которые только наугад преодолевают технические трудности, нужна работа в студии” (С. 5).

В 1922–1923 гг. на страницах журналов “Шляхи мистецтва” (Пути искусства) и “Червоний шлях” (Красный путь) появляются работы критиков, литературоведов, а также литераторов – партийных работников, которые непосредственно занимаются контролем над литературой (например, Владимира Коряка и Ивана Кулика). Авторы анализируют и такой официальный документ, как платформу литературной организации “Плуг”, что свидетельствует об их чуткости к “шуму времени”. Было бы интересно узнать отношение современников к этим дискуссиям, хотя, вероятно, такие свидетельства и не сохранились. Далеко не все упомянутые работы могли быть проанализированы в книге, но прекрасно составленная библиография открывает заинтересованному читателю возможность продолжить знакомство с темой.

Новаторской и по собранному материалу, и по элегантности интерпретационного подхода является глава, посвященная приезду Бориса Эйхенбаума в Харьков. Настоящим открытием можно считать информацию о том, что Борис Лезин в 1925 г. собирался возобновить издание сборников “Вопросы теории и психологии творчества” (С. 261). Новый выпуск этого авторитетного журнала должен был называться “Введение в изучение поэтического творчества” и включать две оригинальные статьи Бориса Эйхенбаума и Виктора Виноградова (С. 262). По сведениям авторов, новый сборник так и не вышел, и статья Эйхенбаума была передана в редакцию журнала “Червоний шлях” (С. 261), а Виноградова – в журнал “Життя й революція”. Еще одна важная находка – впервые публикуемое письмо от 4 августа 1926 г. Бориса Якубского Борису Эйхенбауму, сообщающее, что Эйхенбаум должен был после Харькова отправиться с лекциями в Киев (С. 262).

Напомним, что именно на украинском языке в журнале “Червоний шлях” была впервые опубликована статья Эйхенбаума “Теория ‘формального метода’”, главные темы которой – история ОПОЯЗа, а также “поворот к изучению внелитературных рядов”, или проблем литературного быта (С. 268). Авторы детально и исчерпывающе анализируют опубликованные редакциями указанных журналов статьи Захария Чучмарева, Василя Бойко, Агапия Шамрая и Анатолия Машкина, представленных как участники дискуссии с Эйхенбаумом. Добавим, что почти все упомянутые украинские литературоведы в это время работали на кафедре литературоведения ХИНО под руководством Белецкого. Является ли это обстоятельство совпадением, следствием личных связей или каких-то более значительных факторов, покажут дальнейшие исследования.

Обсуждение проблем литературного быта в контексте украинского литературоведения – подход абсолютно новаторский, дающий возможность поставить и “проблему социального функционирования литературы” (С. 268). Однако трудно согласиться с авторами в том, что “вопрос ‘как быть писателем’ … среди украинских критиков – представителей разных идеологических лагерей, … в сущности, остался непонятым” (С. 268). Нам представляется, что этот социологический фокус был как раз близок украинским литературоведам. Забегая вперед, скажем, что далее в книге тезисы Хвылевого о профессионализации писательского дела будут продуктивно рассмотрены авторами в контексте концепции литературного быта. Отголоски эйхенбаумовской теории быта – в частности, изучения кружков романтиков – прослеживаются и в работе Агапия Шамрая “Харьковская школа романтиков” (1930) в связи с реконструкцией кружка Измаила Срезневского.[10]

Трудно согласиться и с другим выводом рассматриваемого раздела о том, что появление статей украинских литературоведов свидетельствовало “о попытке ‘вписаться’ в общеформалистский дискурс” (С. 296). Исторический контекст, скорее, свидетельствует об обратном – о постепенном вытеснении формализма из широкой литературоведческой дискуссии под давлением идеологизации интеллектуального пространства.

Четвертая часть книги, “Теория и практика литературы 1920-х: между искусством и идеологией”, начинается с главы о журнале “Новая генерация”. На примере развития украинского футуризма авторы показывают, “как футуризм приходит к конструктивистским принципам организации искусства” (С. 318). В следующей главе неформальная группа украинских “неоклассиков” осмысливается как олицетворение “консервативного модернизма”. При этом авторы отвергают предложенную Соломией Павлычко характеристику программы неоклассиков как “философии консервативной модернизации” (С. 334), категорически утверждая: “Модернизация в то время была одна, и она была советской. Ни о каком консерватизме здесь речи и быть не может” (С. 337). Даже абстрагируясь от предельной нормативности этой фразы, стоит задаться вопросом: а насколько самоочевидна и однозначна формула “советская модернизация”?

---

[10] Агапій Шамрай. Літературний гурток І. Срезневського (Зародження романтичних смаків на українському ґрунті) // Харківська школа романтиків. Т. 1 / Вступ. статті, ред. і прим. А. Шамрая. Харків, 1930. С. 20-31.

Интересна попытка “сравнить культ античности киевских ‘неоклассиков’” только “со схожими и куда более давними ‘оглядками’ российских гуманитариев и ученых” (С. 329). Однако куда более продуктивным было бы обратить внимание на параллели, которые сами неоклассики считали для себя актуальными, и обратиться к поэзии французских парнасцев и, конечно, к украинской традиции, в особенности к драмам Леси Украинки, часто тематически связанным с античностью. Не очень понятно, что доказывает упоминание чтение Зеровым “производственного романа” Пьера Ампа (С. 337). Почему это обстоятельство важно для понимания термина “консервативная модернизация”? Круг чтения писателя-интеллектуала дает представление об актуальном для него интертексте, а не о конкретной позиции по тому или иному вопросу. Для уточнения предпочтений неоклассиков во французской литературе стоит напомнить, что они готовили две антологии переводов новой французской поэзии, которые так и остались неизданными.[11]

Вряд ли можно согласиться и с тезисом (никак не подкрепленным ссылками и цитатами) о безрадостном прозябании остатков “неоклассицизма” в послевоенной украинской эмиграции:

> В развернутой форме пытался сделать из “неоклассического” наследия 1920-х законченную культур-консервативную доктрину эмигрировавший из Украины Владимир Державин уже после 1945 года (и тем самым во многом его обескровил, свел к декларациям “национального духа”) (С. 357).[12]

Вероятно, полноценное обсуждение этой темы выходит за рамки книги и заслуживает отдельного рассмотрения. Впрочем, близким сюжетам посвящена важная глава о “зеркалах формализма” в украинских, прежде всего, эмигрантских кругах межвоенной и послевоенной Европы. В ней речь идет, прежде всего, о львовском литературоведе Михайле Рудницком (который после Второй мировой войны стал

---

[11] Подробнее см.: Михайло Калинович. Шляхи новітньої французької поезії. Київ, 1924; Григорій Кочур. Етапи розвитку (Французька література в українських перекладах) // Гр. Кочур. Література та переклад: Дослідження. Рецензії. Літературні портрети. Інтерв’ю / Упор. А. Кочур, М. Кочур. Київ, 2008. С. 74-84.

[12] Вопрос о наследии “неоклассиков” в эмиграции, в первую очередь, в контексте переводческого творчества упомянутого Державина и Михайла Ореста (родного брата Зерова) требует отдельного серьезного разговора. См. например: Іван Кошелівець. Про редактора цього збірника // Безсмертні. Збірник спогадів про М. Зерова, П. Филиповича і М. Драй-Хмару / Ред. М. Орест. Мюнхен, 1963. С. 5-16.

советским профессором и соавтором разоблачительных публикаций о “буржуазном национализме”[13]) и ученом-энциклопедисте Дмитрии Чижевском. Последний, кстати, в 1930-е не раз рецензировал публикации Зерова, Петрова и других украинских советских авторов в немецкоязычной периодике (но именно этот сюжет остался за рамками книги).

В этом же разделе содержится уже упоминавшееся выше сопоставление идей Хвылевого и формалистской концепции литературного быта. Этому интересному анализу не достает прояснения основных идей Хвылевого, прежде всего, о том, что такое “*национальная версия* пролетарской культуры” (С. 359, курсив авторов). В следующих главах раздела обсуждается сложная концепция “азиатского ренессанса” Хвылевого и анализируется формалистский дискурс журнала “Ваплите” в 1926–1927 гг. Конкретнее, речь в основном идет о двух публикациях “Ваплите”: статьях “Десять лет ОПОЯЗа” Иеремии Айзенштока и “Про реализм в искусстве” Романа Якобсона (и о том, как последняя попала в редакционный портфель журнала).

События части пятой “Post mortem” происходят уже в иной исторической реальности, в ситуации стремительной унификации культурного пространства и растущего политического контроля начала 1930-х годов, на фоне которой описывается трагическая судьба украинских литературоведов. Важными источниками для реконструкции литературоведения этого периода, особенно если учесть плохую сохранность архивов, служат публикации журналов “Литературный архив” и “Критика”. Их внимательный анализ позволяет авторам изучить волны самокритики, прокатившиеся в научных институтах и Всеукраинской академии наук (ВУАН). В частности, в книге подробно разбирается стенограмма диспута с самокритикой Агапия Шамрая (С. 433). Впрочем, и в этой части книги необходимо с осторожностью использовать термин “формалист” в отношении украинских ученых. К примеру, Шамрай сам себя формалистом никогда не называл и настаивал на различении формального метода и формализма ОПОЯЗа. Именно Шамрай говорил о важности немецкого литературоведения для

[13] В. Беляев, М. Рудницкий. Под чужими знаменами. Москва, 1954. В предисловии к этому пропагандистскому памфлету об “одном из старейших профессоров Львовского университета” (Рудницком) говорится: “Профессор Рудницкий, находясь всю жизнь во Львове и долгие годы сотрудничая в украинской националистической печати, с которой он затем решительно порвал, имел возможность близко наблюдать многих вожаков украинских националистов”.

развития украинской литературоведческой мысли. В книге подробно анализируется его статья "'Формальный' метод в литературе", однако не в первоначальной, а в измененной цензором версии. В оригинале же читаем:

> Время уже обратиться к первоисточникам, хватит пользоваться научными достижениями Европы, отредактированными в Ленинграде. Какой бы ответственной эта редакция ни была – разница между оригиналом немецким и ленинградскими копиями есть – и порой довольно значительная. "Тот максимализм", который чувствуется в теориях ОПОЯЗа, он не пережит еще и сегодня, являясь резким контрастом ко всегда обоснованному, всегда осторожному методу немецких ученых.[14]

Неизбежно возникает вопрос, ответ на который требует специального исследования: почему же в статье, которая должна была стать критикой формалиста Эйхенбаума, цензор вырезал фрагмент, критикующий формализм ОПОЯЗа как искаженную копию немецкого формализма?

Героем заключительной главы книги оказывается Виктор Петров – одна из наиболее разносторонних и загадочных фигур украинской интеллектуальной истории XX века. Историк литературы, близкий в 1920-е к "неоклассикам", в годы Второй мировой войны он редактировал украинский журнал и одновременно работал на советскую разведку на оккупированных немцами территориях, в 1946–1949 гг. служил профессором украинских эмигрантских учебных заведений в Баварии, а в 1950–60-е стал советским археологом. Исследовательская литература о Петрове развивается по двум, отчасти пересекающимся, направлениям. Большинство исследователей заняты поисками его "истинного" лица, а меньшая часть – анализом его разностороннего научного и литературного наследия.

Бабак и Дмитриев также задаются вопросом: кем же был Виктор Платонович на самом деле? И предлагают такой ответ:

> Но все же усвоенный в юности ученый скепсис Анатоля Франса, опыты самоперековки и перелицовки, а главное – бессмысленная гибель многих и многих горячо убежденных и веровавших сделали искреннее "возвращение к истокам" для него, на мой [sic] взгляд, невозможным. Что подлинного без кавычек, действительно

[14] Олексій Ветухов, Агапій Шамрай, Андрій Ковалівський. "На шляхах до утворення науки про літературу". Підручник під ред. Вєтухова. 1925 // ЦДАВОВ Украины. Ф. 177. Оп. 2. Д. 1164. Л. 571.

> устойчивого оставалось в этой многообразной пластике (то танцевально-дионисийской, то скульптурно-застывшей, как детская фольклорная свистулька)? (С. 497)

Эта витиеватая, почти барочная фраза не поддается научной верификации. Внимательное сопоставление множества опубликованных и поистине огромного количества рукописных работ Петрова свидетельствует скорее о его приверженности определенным темам и сюжетам, к которым он возвращался раз за разом (пусть и под покровом идеологической риторики, диктуемой конкретным моментом). Полноценный анализ творчества Петрова требует отдельного серьезного текстологического исследования, что явно выходит за пределы темы книги. Однако при отсутствии такого исследования обращение к фигуре Петрова неизбежно приводит авторов к поверхностным обобщениям, сформулированным скорее художественным, чем аналитическим языком. Глава пестрит эффектными формулами, оставляющими читателя лишь гадать о смысле, вкладывавшемся в них авторами: “исходная имперская рафинированность”, “провинциальная украинская стихия”, “столкновение культурной изощренности с рывком преодолеваемого провинциализма” (С. 480). Они сообщают, что Петров пишет “хорошо им ранее усвоенным рубленым и конспективным языком 1930-х, этакой смесью стилей Асмуса и Митина” (С. 495), при этом некоторые его тексты иногда “напоминают позднего Куприна или даже Бунина” (С. 497), и можно говорить о его “долгой жизни в условиях спада” (С. 532). Если смысл этих экспрессионистских метафор в том, что Петров является глубоко вторичной фигурой, то почему бы так и не сказать прямо (и одного раза было бы достаточно). Правда, этот тезис никак не обоснован авторами, а главное, в таком случае непонятно, зачем же столько места в книге уделено вторичной фигуре “в условиях спада”?

В то же время, наличие отдельной главы о Петрове, чья причастность формализму остается в книге не очень понятной, вызывает вопрос об отсутствии столь же подробного обсуждения других, явно более релевантных для нее персонажей. В частности, оброненная походя характеристика уже упомянутого нами не раз Дорошкевича как “шевченковеда социологического склада” (С. 341) явно недостаточна и малоинформативна. Лишь вскользь упоминается блестящий литературный критик Григорий Майфет, харьковский историк литературы и философии Андрей Ковалевский или этнограф и литературовед Алексей Ветухов, автор книги “Жизнь слова”, на страницах которой

много говорится о методологии литературы, в частности о Потебне и формальном методе.[15]

Продолжая список имен и сюжетов, незаслуженно обойденных вниманием в исследовании Бабак и Дмитриева, можно назвать теоретика культуры Федора Шмита, работавшего в 1912–1924 гг. в Украине и издавшего свои важнейшие работы в 1919 г. в Харькове.[16] Отдельные тезисы Шмита перекликаются с концепцией обсуждаемого в книге "азиатского ренессанса" Хвылевого. Понятно, что основное внимание авторы уделяют харьковской и киевской периодике, однако для понимания масштабов обсуждаемого феномена имело смысл осветить и региональные журналы. Например, в одном Днепропетровске выходили такие литературные издания, как "Зоря" и редактируемый Валерианом Полищуком "Вир революції". Для комплексного понимания украинских интеллектуальных дискуссий 1920-х стоило бы уделить большее внимание обсуждению наследия Пантелеймона Кулиша, критически важного и для Хвылевого, и для "неоклассиков". Другая тема, имеющая прямое отношение к пересечению нациестроительства и модернизации, – проблема села (не деревни!) и города в украинской культуре. В этой связи нельзя обойти стороной фигуру Валериана Пидмогильного – автора романа "Город", кстати, переведенного на русский язык и изданного в серии "Творчество народов СССР".[17]

Поскольку основное содержание книги так или иначе вращается вокруг украинско-русско/российских литературных и научных контактов и споров, возможно, имело бы смысл распространить эту логику и на

---

[15] Две главные работы Майфета 1920-х гг.: Г. Майфет. Матеріали до характеристики творчости П. Тичини. Харків, 1926; Гр. Майфет. Природа новели. Харків, 1928. Вышедшая в середине 1920-х гг. монография Ветухова является переработанной версией его русскоязычной работы. См.: А. Ветухов. Жизнь слова (основы теории словесности для школы и самообразования). Харьков, 1910; Олексій Ветухов. Життя слова: основа теорії поетики: для вчителів та самоосвіти / Пер. А. Ковалівського. Харків, 1925.

[16] Ф. И. Шмит. Искусство, его психология, его стилистика, его эволюция. Харьков, 1919; Ф. И. Шмит. Искусство древней Руси, Украины. Харьков, 1919. Последняя работа вышла и на украинском языке: Ф. І. Шміт. Мистецтво старої Руси-України. Харків, 1919.

[17] Вал. Пидмогильный. Город / Пер. с укр. Б. Елисаветского. Москва–Ленинград, 1930. В предисловии к этому изданию А. Лейтес характеризует Пидмогильного как "одного из лучших продолжателей традиции Коцюбинского" и мастере "импрессионистического стиля", в котором чувствуется "нечто французское в лучшем смысле этого слова".

обсуждение эмигрантской интеллектуальной среды. Случайно ли, к примеру, что выехавший из Советской Украины в Германию "неоклассик" Освальд Бурггардт защищает немецкую диссертацию о Леониде Андрееве, а выходец из южной Украины Евген Маланюк постоянно обращается в своем творчестве к русской литературе (от Бунина до Ахматовой)?[18]

Авторы соглашаются с Галином Тихановым в том, что "формализм и марксизм наряду с фрейдизмом разделяют общую эпистему модерности", в основе которой лежит "вера в возможность рационализировать то, что находится вне человеческого контроля" (С. 227). Тем более странно, что в книге о нацмодернизме практически ничего не говорится об украинском фрейдизме. Между тем, интерпретация творчества Шевченко с фрейдистских позиций была предпринята во Львове еще в 1916 г.[19] Спустя десять лет уже упоминавшийся Пидмогильный выступил с попыткой психоаналитического прочтения творчества Ивана Нечуя-Левицкого.[20]

Вышесказанное свидетельствует скорее о широте темы, поднятой в книге Бабак и Дмитриева, и перспективах дальнейших исследований и архивных поисков. Также и встреченные нами в книге фактические ошибки являются следствием не редактуры книги (выполненной на довольно высоком уровне), а масштабности синтеза, осуществленного авторами, который неизбежно сопровождается некоторыми огрехами. Ошибок этих совсем немного – например, в одном месте автором статьи о журнале "Книгарь" ошибочно назван Ярослав Исаевич, хотя речь идет

---

[18] Oswald Burghardt. Die Leitmotive bei Leonid Andrejev. Leipzig, 1941. О Маланюке см. Roman Mnich. "Sacrum rosyjskie" w ujęciu emigrantów ukraińskich (O koncepcji Jewhena Małaniuka) // Anna Woźniak, Mirosława Kawecka (Red.). Duchowość i sacrum w literaturze emigracyjnej Słowian Wschodnich. Lublin, 2002. S. 229-236.

[19] Степан Балей. З психольоґії творчости Шевченка. Львів, 1916.

[20] Валеріян Підмогильний. Іван Нечуй-Левицький (Спроба психоаналізи творчости) // Життя й революція. 1927. № 9. С. 295-303. Тут же вспомним некоторые статьи о фрейдизме на страницах украинской периодики: Е. Берглер. Психоаналіз. Суть та значення науки проф. Фрейда // Червоний шлях. 1923. № 6-7. С. 119-135; Т. Черняхівський. До психотехніки творчого процесу // Життя й революція. 1926. № 4. С. 63-69; С. Гаєвський. Фрайдизм у літературознавстві // Життя й революція. 1926. № 10. С. 70-75; Т. Степовий. Фройдизм й мистецтво // Плужанин. 1927. № 2. С. 16-19; В. Юринець. Фройдизм і марксизм // В. Юринець. Філософсько-соціологічні нариси. Харків, 1930. С. 101-143. Обратим внимание, что в украиноязычных публикациях того времени использовались три способа фонетической передачи термина, производного от имени теоретика психоанализа: "фрейдизм", "фройдизм" и "фрайдизм".

о Ярославе Дашкевиче (С. 120).[21] Все тот же журнал – важнейшее книговедческое издание в Киеве 1917–1920 годов – почему-то превращается в "Друкар" (С. 134). Историк-эмигрант и критик литературоведческих построений Рудницкого Вячеслав Заикин назван "Василием" (С. 457).

Но вернемся к изложению содержания книги: вслед за последней, пятой ее частью следует заключение. После увлекательных и непростых скитаний дорогами "Атлантиды" переходим к выводам. В начале исследования, во введении авторы так определяли его цель:

> В результате исследования мы хотим ответить на вопросы: каким был формализм в Украине на фоне прочих нацмодернистских проектов, насколько правомерно рассматривать его как целостное и сложившееся явление? Сразу скажем, что каким бы он ни был, к отражению формализма русского он точно не сводится. Перед нами феномен оригинальный, своеобразный, и притом диалогический (С. 37-38).

По ходу повествования формализм получил определение через категорию универсальности: "основной идеей формализма было то, что существует 'универсальный ключ' ко всей мировой литературе". Однако

> в Украине эта сторона формализма была сильно ослаблена, наоборот, здесь "рецепты" формализма использовались для формирования новой национальной советской украинской литературы, национального литературного канона и в итоге для конструирования украинской национальной идентичности. "Украинский формализм" был универсальным по форме и национальным по содержанию, если точнее – национальным по интенции (С. 219).

Слоган "универсальный по форме, национальный по содержанию" – очевидный парафраз сталинской формулы 1925 года. Однако дело не сводится лишь к каламбуру, если авторы повторяют это определение дословно в заключении (С. 534). Значит, это и есть главный ответ на поставленный во введении вопрос. Как же понимать это определение украинского формализма, и кто его так воспринимал – сами формалисты 1920-х годов, их критики, читающая публика (о которой в книге ничего не говорится)? Или так украинский формализм представляется

[21] О том, почему такая оговорка "почти по Фрейду" см.: Андрій Портнов. Ярослав Дашкевич і Ярослав Ісаєвич: два обличчя величі історика // А. Портнов. Історії істориків. Обличчя й образи української історіографії XX століття. Київ, 2011. С. 201-224.

лишь современным исследователям, на основании обещанного сравнительного анализа?

Из разбросанных по тексту фраз складывается впечатление, что авторы считают "русский" формализм действительно *универсалистским* феноменом, формализм же украинский выступает лишь как проект нацмодернистский и вообще национально ограниченный. Бабак и Дмитриев стремятся избегать дискриминирующего языка, но не отражает ли это разделение иную нормативную дихотомию – центра и периферии, метрополии и окраины? Что именно позволяет быть универсальным "русскому" формализму, и значит ли это, что украинская культура не способна на универсализм в принципе? В таком случае, идет ли речь о неизбывном проклятии провинциализма?

Как бы предвосхищая систематическое рассмотрение этих вопросов, заключение книги открывает тезис о "важности финального сопоставления украинского варианта нацмодернизма с прочими версиями культурного возрождения в советском варианте" (С. 504). После разрозненных заметок о Беларуси формулируется следующий важный вопрос: "что составляло, собственно, *русский* нацмодернизм, каким он мог быть в литературно-теоретическом плане" (С. 514)? По крайней мере грамматически, приведенные цитаты говорят о том, что украинский нацмодернизм был "окончательной реальностью", а русский – лишь гипотетической возможностью. Однако этот контраст никак не комментируется, и вместо ответа на вопрос о потенциале "русского" модернизма приводится пространная цитата из статьи Чижевского о поэзии футуристов в нью-йоркском "Новом журнале" за 1963 год.

Некоторая хаотичность в организации материала, вообще свойственная книге Бабак и Дмитриева, особенно запутывает читателя в этот решающий момент, когда от авторов ожидается окончательная расстановка точек над i. Постоянно приходится разбираться, "кто на ком стоял": "Русские формалисты, как и продолжатели славянофилов – футуристы (вспомним Чижевского)…" (С. 534) – по частям прочитывается однозначно, а вместе собирается с трудом. Украинский литературовед Дмитрий Чижевский не был ни футуристом, ни продолжателем славянофилов, и, конечно, он не был русским формалистом. "Между этими историями жизней [Александра Потебни и Виктора Петрова] помещается история *сдвига* – развития научного метода (формализма) и политической революции в их противоречивом сопряжении" (С. 532) – значит ли это, что все самое интересное произошло после смерти Потебни (1891) и до рождения Петрова (1894)?

Также и с вопросом о реальности “украинского формализма”. Авторы отвечают решительно: “как общее течение существовал, но без складывания особой и более-менее единой украинской *формальной* школы”, причем в Украине формальный метод “был ориентирован не на обновление литературоведения как такового, но подчинен… делу ‘модернизации’ национальной культуры” (С. 532-533). Почему модернизация упоминается в кавычках, чем она отличается от русского понятия “обновление”, и в чем смысл “подчинения” украинского формального метода той или иной цели – в его политической, а не теоретической сути?

Несмотря на эту итоговую неопределенность, “Атлантида советского нацмодернизма” является важнейшим научным событием. Она предлагает свое синтетическое осмысление литературно-политических дискуссий 1920-х годов в Советской Украине в новаторской исследовательской перспективе. Книга дополняет имеющиеся обобщающие работы и представляет собой пример успешного трансфера наработок украиноязычного литературоведения в русскоязычный академический контекст.[22] В этом отношении очень важную роль играет объемистое приложение к монографии, где приведены переводы важнейших текстов и архивные документы. Из архивных находок, которые впервые вводятся в научный оборот, прежде всего нужно назвать одиннадцать уникальных писем, позволяющих реконструировать диалог между учеными.[23] Впервые публикуется неизвестный ранее вариант воспоминаний Александра Лейтеса о Майке Йогансене. Кроме того, русскоязычного читателя впервые знакомят с рецензиями Б. Якубского и Б. Навроцкого на работы Б. Томашевского, А. Белецкого, М. Могилянского и В. Державина – на работы В. Шкловского. Также в переводе на русский публикуются статьи и материалы о рецепции формализма в Украине (А. Шамрая, В. Бойко и И. Айзенштока) и стенограмма публичной самокритики А. Шамрая (1931). Все публикации выполнены на высоком академическом уровне и сопровождаются содержательным и выверенным комментарием.

---

[22] Прежде всего: George S. N. Luckyj. Literary Politics in the Soviet Ukraine (1917–1934). New York, 1956 (укр. издание: Юрій Луцький. Літературна політика в радянській Україні (1917–1934). Київ, 2000); Myroslav Shkandrij. Modernists, Marxists and the Nation. The Ukrainian Literary Discussion of the 1920s. Edmonton, 1992.

[23] По одному письму А. Белецкого П. Сакулину (1921) и В. Шкловскому (1934–1935); письмо И. Айзенштока О. Брику (1923); пять писем И. Айзенштока Б. Эйхенбауму (1930–1940); три письма Б. Якубского Б. Эйхенбауму (1926–1930-е).

В приложении к книге среди опубликованных текстов мы найдем и “забытую” на страницах харьковской газеты “Вечернее радио” статью Виктора Шкловского “Цемент и мандат” (1926). К сожалению, авторам осталась неизвестна и не была перепечатана другая “затерявшаяся” на страницах харьковской кадетской газеты “Новая Россия” статья Шкловского “Художественная жизнь большевистской России” (1918).[24] Остается также сожалеть, что мимо авторов прошел украинский перевод классической научной работы Густава Лансона “Метод в истории литературы” (1919).[25]

Трудно представить себе дальнейшее расширение объема почти 800-страничного тома, однако нельзя не отметить структурно-тематическую несбалансированность и лакуны в приложении. Коль скоро в книге много говорится об идеологии и политических процессах в культурной сфере, можно было бы ожидать перепечатки наиболее знаковых и информативных официальных постановлений органов власти. А поскольку авторы подчеркивают роль академических институтов в распространении идей формализма в Украине, закономерным было бы обращение к их архивам. С этой точки зрения в приложении не хватает документов по работе кафедр, да и просто отчетов о деятельности научных центров и их сотрудников. Эти документы существуют, некоторые из них даже публиковались: например, журнал “Наука на Україні: бюлетень Укрнауки” регулярно печатал официальные отчеты кафедр, а также новости научной жизни.

Отдельно хотелось бы сказать о комментариях поистине энциклопедического характера. Ссылки содержат не только необходимую библиографию, но и подробные примечания, а также биографические сведения о малоизвестных деятелях украинской культуры. Обязательная составляющая любой добротно подготовленной историко-литературной работы – библиография. Она также выполнена на высоком академическом уровне, с разумной разбивкой на источники, докумен-

---

[24] Виктор Шкловский. Художественная жизнь большевистской России // Новая Россия. 1918. 11 декабря. № 2. С. 4.

[25] Г. Лансон. Метод в історії літератури / Пер. з франц. Охр. Соболева. Київ, 1919. Процитируем небольшой абзац из предисловия переводчика Соболева к работе Лансона: “…анализ художественных форм является главным орудием историко-литературного исследования, но было бы ошибочно ограничиться одним лишь этим анализом” (С. 6). Интересно, в традициях какой формальной школы необходимо рассматривать это предисловие 1919 г.? Вряд ли мы сможем обнаружить здесь влияние концепций Виктора Шкловского.

тальные публикации, публикации в отдельных изданиях и периодике и научную литературу. Важный справочный указатель “Хронология публикаций избранных работ, связанных с развитием литературной теории в Украине (1914–1931)” структурирован по годам и может сам по себе стать отличным подспорьем для новых обдуманных и неторопливых размышлений над картой Атлантиды. Список сокращений и указатель имен продолжают лучшие традиции по изданию академической литературы.

Выражая искреннюю надежду на продолжение начатого в этом форуме разговора на разных языках и в разных академических контекстах, мы считаем, что главным успехом книги Галины Бабак и Александра Дмитриева может стать стимулирование дальнейших исследований литературоведческих дискуссий, национальной политики и культурного трансфера в 1920-е годы.

SUMMARY

This is a contribution to the forum “Conceptualizing National Modernism” inspired by the publication of the new book by Galina Babak and Alexander Dmitriev, *The Atlantis of Soviet National Modernism: The Formal Method in Ukraine (1920s–Early 1930s)* (Moscow: NLO, 2021). Oksana Pashko and Andrii Portnov offer a comprehensive review of the book, identifying its main topics and methodological premises and discussing them in a broad historical and historiographical context.

Bibliography

Balei, Stepan. Z psykhologii tvorchosty Shevchenka. Lviv, 1916.

Beletskii, Aleksandr. Ob odnoi iz ocherednykh zadach istoriko-literaturnoi nauki // A. I. Beletskii. Izbrannye trudy po teorii literatury / Ed. N. K. Gudzii. Moscow, 1964. Pp. 25–50.

Beliaev, V., M. Rudnitskii. Pod chuzhimi znamenami. Moscow, 1954.

Berhler, E. Psykhoanaliz. Sut ta znachennia nauky prof. Freida // Chervonyi shliakh. 1923. No. 6–7. Pp. 119–135.

Burghardt, Oswald. Die Leitmotive bei Leonid Andrejev. Leipzig, 1941.

Cherniakhivskyi, T. Do psykhotekhniky tvorchoho protsesu // Zhyttia y revoliutsiia. 1926. No. 4. Pp. 63–69.

Doroshkevych, Oleksander. Moia apolohiia albo oborona // Zhyttia y revoliutsiia. 1925. No. 11. Pp. 72–74.

Eikhenbaum, Boris. O literature. Raboty raznykh let. Moscow, 1987.

Gerasimov, Ilya. Affirmative Writing: Empire (On New Standards in Russian Imperial Studies) // Ab Imperio. 2005. No. 3. Pp. 529–538.

Haievskyi, S. Fraidyzm u literaturoznavstvi // Zhyttia y revoliutsiia. 1926. No. 10. Pp. 70–75.

Hirsch, Francine. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005.

Kalynovych, Mykhailo. Shliakhy novitnoi frantsuzkoi poezii. Kyiv, 1924.

Kiselova, L. O., O. V. Pashko. Intertekstualne tlo virsha Pavla Tychyny "I Bielyi, i Blok, i Yesenin, i Kliuiev…" // Magisterium. Literaturoznavchi studii. 2010. No. 38. Pp. 13–22.

Kochur, Hryhorii. Etapy rozvytku (Frantsuzka literatura v ukrainskykh perekladakh) // Hr. Kochur. Literatura ta pereklad: Doslidzhennia. Retsenzii. Literaturni portrety. Interviu / Ed. A. Kochur, M. Kochur. Kyiv, 2008. Pp. 74–84.

Koshelivets, Ivan. Pro redaktora tsoho zbirnyka // Bezsmertni. Zbirnyk spohadiv pro M. Zerova, P. Fylypovycha i M. Drai-Khmaru / Ed. M. Orest. Munich, 1963. Pp. 5–16.

Kovalchuk, Halyna. Ukrainskyi naukovyi instytut knyhoznavstva (1922–1936). Kyiv, 2015.

Lanson, H. Metod v istorii literatury / Trans. Okhr. Sobolev. Kyiv, 1919.

Luckyj, George S. N. Literary Politics in the Soviet Ukraine (1917–1934). New York, 1956.

Maifet, H. Materialy do kharakterystyky tvorchosty P. Tychyny. Kharkiv, 1926.

Maifet, Hr. Pryroda novely. Kharkiv, 1928.

Mnich, Roman. "Sacrum rosyjskie" w ujęciu emigrantów ukraińskich (O koncepcji Jewhena Małaniuka) // Anna Woźniak, Mirosława Kawecka (Red.). Duchowość i sacrum w literaturze emigracyjnej Słowian Wschodnich. Lublin, 2002. Pp. 229–236.

Paniv, Andrii. Yak postavyty robotu litstudii // Pluzhanyn. 1926. No. 3. Pp. 5–7.

Pidmohylnyi, Valeriian. Ivan Nechui-Levytskyi (Sproba psykhoanalizy tvorchosty) // Zhyttia y revoliutsiia. 1927. No. 9. Pp. 295–303.

Portnov, Andrii. Yaroslav Dashkevych i Yaroslav Isaievych: dva oblychchia velychi istoryka // A. Portnov. Istorii istorykiv. Oblychchia y obrazy ukrainskoi istoriohrafii XX stolittia. Kyiv, 2011. Pp. 201–224.

Pydmohylnyi, Val. Horod / Trans. B. Elysavetskyi. Moscow–Leningrad, 1930.

Shamrai, Ahapii. Literaturnyi hurtok I. Sreznevskoho (Zarodzhennia romantychnykh smakiv na ukrainskomu grunti) // Kharkivska shkola romantykiv. Vol. 1 / Ed. A. Shamrai. Kharkiv, 1930. Pp. 20–31.

— [A. Sh.]. Literaturna sektsiia katedry istorii ukrainskoi kultury za 1924–25 rik // Kultura i pobut. 1925. No. 16. P. 1.

— [A. Sh.]. Sektsiia literaturno-etnohrafichna katedry istorii Ukrainy // Chervonyi shliakh. 1924. No. 1–2. Pp. 219–220.

Shkandrij, Myroslav. Modernists, Marxists and the Nation. The Ukrainian Literary Discussion of the 1920s. Edmonton, 1992.

Shklovskii, Viktor. Khudozhestvennaia zhizn' bol'shevistskoi Rossii // Novaia Rossiia. 1918. December 11. No. 2. P. 4.

Shmit, F. I. Iskusstvo drevnei Rusi, Ukrainy. Kharkov, 1919.

Shmit, F. I. Iskusstvo, ego psikhologiia, ego stilistika, ego evoliutsiia. Kharkov, 1919.

Shmit, F. I. Mistetstvo staroï Rusi-Ukraïni. Kharkiv, 1919.

Stepovyi, T. Froidyzm y mystetstvo // Pluzhanyn. 1927. No. 2. Pp. 16–19.

Vetukhov, A. Zhizn' slova (osnovy teorii slovesnosti dlia shkoly i samoobrazovaniia). Kharkiv, 1910.

Vetukhov, Oleksii. Zhyttia slova: osnova teoriï poetyky: dlia vchyteliv ta samoosvity / Trans. A. Kovalivsky. Kharkiv, 1925.

— [O. V.]. Naukovo-doslidcha katedra istorii Ukrainy // Chervonyi shliakh. 1923. No. 8. Pp. 270–273.

Yurynets, V. Froidyzm i marksyzm // Yurynets V. Filosofsko-sotsiolohichni narysy. Kharkiv, 1930. Pp. 101–143.

Archives

Central State Archive of the Highest Agencies of Power and Administration of Ukraine (TsDAVO).
F. 166. Op. 12. D. 8528.
F. 177. Op. 2. D. 1164.